

А.Ю. Нестеров

ПРОЕКТИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ РЕФЕРЕНЦИИ

(Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П. Королева (национальный исследовательский университет))

Одна из наиболее существенных проблем, возникающих при обсуждении референции, - это проблема будущего. Начиная с Августина общим местом является утверждение, что будущее есть только «ожидание» [1], не фиксируемое чувственным восприятием и не учитываемое в языке референцией. Восприятие и не опосредованные рефлексией реакции организма на восприятие осуществляются в настоящем, а это настоящее учитывается мозгом с задержкой, так что дескриптивный язык, описывающий знание-знакомство, имеет дело лишь с прошлым, зафиксированным в кратковременной памяти. Такое положение вещей заставляло, например, софистов задаваться вопросом: «Как можно спрашивать о том, чего ты не знаешь?». Каким образом можно учитывать будущее, если чувственному восприятию недоступно даже настоящее как настоящее? Как возможно «новое», если его по определению нельзя описать референциальным языком? Применительно к теории научного познания эта ситуация описана К. Р. Поппером [5] как проблема индукции, применительно к теории деятельности и управления – В. С. Диевым [2] как проблема принятия решения в условиях неопределённости.

Будущее – то, что отсутствует в чувственном восприятии – описывается, планируется, рассматривается как среда эволюции, место для нового. Неопределённость снимается принятием решения, непрогнозируемость – теорией, основанной на той или иной системе рационально обоснованных истинностных убеждений. Вполне очевидно, что дескриптивный референциальный язык в описании будущего заменяется фикциональным языком, создающим системы образов будущего, различающихся функциями в отношении действительного мира: описание либо самоценно и в этом случае носит сугубо художественный характер, либо выполняет перформативную функцию и тогда получает характер шаблона для осуществления будущего.

Как стратегия целеполагания в рациональном теоретическом обсуждении или как опосредованное невербализованной рефлексией основание практического действия, образ будущего подчинён общим правилам осуществления человеческого сознания, фиксируемым в той или иной трансцендентальной модели. Отличие будущего от настоящего в фикциональном языке связано с нарушением или проблематизацией существенных для определения настоящего границ: будущее требует маркеров, выделяющих его на фоне настоящего. Например, стандартный пример, приводимый Августином [1], Л. Виттгенштейном [7], К.Р. Поппером [5] и другими, «завтра взойдёт солнце», описывает не будущее, но такое известное из наблюдения положение дел как «восход солнца», где оно имеет место в связи с «завтра», грамматическое будущее время

фиксирует в этом высказывании неуверенность говорящего субъекта (принципиальную для него ненаблюдаемость здесь и сейчас восхода солнца). Напротив, высказывание вроде «у людей отрасли крылья» демонстрирует не наблюдаемое в настоящем инобытие человеческого, в качестве условия наблюдаемости требующее усилия представления, связанного с нарушением границ опыта: грамматическое время выражает лишь модальность, интерпретируемую субъектом как осуществимость или неосуществимость сформулированного так инобытия.

Тезис, определяющий настоящее размышление, заключается в том, что проектирование будущего подразумевает деятельность сознания, связанную с формированием представлений, отличных от тех объектов, что зафиксированы в опыте, и выражающуюся фикциональным языком. Будущее как образ, как инобытие опыта строится за счёт нарушения границ, определяющих чувственное восприятие, рассудок и их прямое или рефлексивное соотнесение. Понятно, что, например, для советской научной фантастики будущее было пространством рефлексии, способом осмысления настоящего, и это в целом характерный для литературы ход, обсуждать человеческое, как оно есть здесь и сейчас, помещая его в сконструированные модели инобытия; однако интерес представляют наиболее общие механизмы построения будущего в виде комбинаций тех или иных способов нарушения границ индивидуального и коллективного опыта.

В сформулированном тезисе «будущее» и «инобытие опыта» являются полными синонимами. Важно, что грамматические структуры языка, выражающие те или иные представления о будущем, не задают механизмы формирования этих представлений: определяющее лингвистический поворот разграничение между смыслом и значением знака сохраняет свою актуальность и для фикционального языка. Отличие между фикциональным и дескриптивным языком заключается в том, что система значений второго определена чувственным восприятием и в конечном итоге – законами физики, позволяющими построить физикалистски очищенный язык, например, научного знания; система значений первого определена способом формирования инобытия опыта, характеризующим деятельность воображения, творчества, создания нового. Как синтаксис естественного языка не выводим и не переводим в правила расположения и комбинирования объектов чувственного восприятия (и наоборот), так и фикциональные представления не определены языковой грамматикой, но только выражены посредством неё [3]. Сформулированный тезис позволяет, таким образом, по аналогии с ранними исследованиями Венского кружка [6], сформулировать задачу очищения фикционального языка (в смысле прояснения референции как избавления от метафизики) от избыточности и неясности в актах создания и рецепции «будущего».

Соответственно на фоне исследований физического мира и грамматик тех или иных языков возникает вопрос о структуре образа будущего, выражаемой, но не определяемой той или иной суммой языков. Второй тезис, выносимый на обсуждение, заключается в том, что магистральными способами построения этого образа являются утопия и антиутопия. В сугубо методологическом смыс-

ле утопия и антиутопия представляются коррелятами идеалистского и реалистского способов мышления и содержательно раскрываются в виде предельно конкретной суммы границ, преодоление которых учитывается субъектом при формировании фикционального представления. Обсуждение того содержания, которое создаётся индивидом в виде представлений, выходит за рамки тезисов или отдельной статьи; его структурирование возможно, как представляется, через учёт онтологических, эпистемологических и этических (в широком смысле) границ, где принципиальная разница между утопией и антиутопией обнаруживается в области этики.

В рамках научно-технического прогресса идеальное (представление, состояние или процесс в субъективной реальности индивида) становится реальным тогда, когда удаётся создать его материальное выражение, доступное чувственному восприятию или рассудку. Это в целом вопрос технического сознания. Утопия и антутопия же как способы комбинирования представлений соотносят идеальное и реальное в виде суммы нарушений онтологических, эпистемологических и этических границ, релевантных для индивидуального сознания, со способами учёта этих нарушений в коллективном (объективном или общественном) и абсолютном сознании. Утопия или антиутопия возникают при попытках соотнести в представлении индивидуальные и объективные структуры самосознания, представляя собой разницу комбинаций снятых индивидуальных, объективных и абсолютных границ. Утопией можно было бы назвать когерентность представлений на всех трёх уровнях, так что в фикциональном образе инобытию индивидуального соответствует инобытие общественного и инобытие абсолютного. Антиутопией – иронию того или иного типа, выражающуюся в рассогласовании тех или иных уровней рефлексии. В эпистемологическом плане утопии соответствует «знание о знании», антиутопии – «знание о незнании».

Антиутопия – это, как правило, способ организации фикционального художественного текста. Например, нарушение структуры абсолютного сознания при неизменности рефлексии индивидуального и коллективного уровня создаёт сюжет «ущербного бога» в «Солярисе» С.Лема или концепцию равнодушного вселенского зла у Г.Ф.Лавкрафта, преодоление индивидуальных пределов познания при неизменности социальной матрицы или же трансформация социальных структур без трансформации индивидуального самосознания – это классические сюжеты антиутопии XX в. Если в беллетристике утопия встречается крайне редко (и, как правило, в виде сюжета воспитания человека, например, «Звёздный десант» Р.А.Хайнлайна), то в глобальных религиозных и философских дискурсах утопия – это классический сюжет будущего. Реализм антиутопии заключается в маркировании, проблематизации границ, подчёркивании сложности их учёта и снятия, идеализм утопии – в вере в ту или иную трансцендентальную схему, допускающую снятие всех мыслимых противоречий.

Завершающий тезис заключается в том, что вопрос о будущем, о системах фикциональных представлений и об их структурах, в максимально общем виде понимаемых в виде утопии или антиутопии, крайне значим при обсужде-

нии идеологии. Под идеологией понимаются сюжеты взросления человека, транслируемые обществом в виде ответов на неразрешимые философские вопросы, в рамках которых взаимодействуют научное, религиозное, архаическое и бытовое мировоззрение [4]. Очевидно, что индивидуальное мировоззрение всегда стремится к личной утопии, и задача конструирования будущего (как наиболее важная задача идеологии в целом) заключается в том, чтобы расширять границы утопии посредством антиутопии, сохраняя утопию как цель развития человека и человечества.

Литература

1. Августин А. Исповедь. – М., 1991.
2. Диев В.С. Управление риском: методологические и ценностные аспекты // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. Том 5, выпуск 2. – Новосибирск, 2007. С.92-97.
3. Нестеров А. Ю. Проблема определения понятия фантастического // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2007. № 305. С.35-42.
4. Нестеров А. Ю. Проблема человека в свете идеологии эволюционного трансгуманизма // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. – М., 2013. С.183-193.
5. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. – М., 2002.
6. Stöltzner M., Uebel T. (Hrsg.) Wiener Kreis. – Hamburg, 2006.
7. Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus / Werkausgabe in 8 Bänden. Bd.1. – F.a.M., 1999.

О.Ю. Никифоров

ПОДХОД К АВТОМАТИЗАЦИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ФИЛОСОФИИ¹

(Вологодский государственный университет)

Применение автоматизированные информационные системы при исследованиях в области гуманитарных наук носит справочно-вспомогательных характер. Здесь в первую очередь используются электронные энциклопедии, имеющие универсальный или специализированный научный характер. Философия исключением не является.

Существенной проблемой является практически полное отсутствие современных эффективных интерактивных информационных систем, которые представляли бы ключевые идеи философии системно и концептуально, а, од-

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 15-07-01322 «Открытая информационная система «История философских идей».